

Когда платят каштан

ГАЛИЯ СМАЙЛОВА

12+

Галия Смаилова

Когда плачет каштан

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смаилова Г. М.

Когда плачет каштан / Г. М. Смаилова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Несмотря на вымысел, эта история нескольких поколений одной простой семьи, охватывая целую эпоху, вполне могла быть реальной. Эта история, которую, вероятно, кто-то почти прожил или был близок к ней. Несмотря на открытость и наивность, в этой истории легко рождаются тайны, меняющие, а порой разрушающие внутренний мир простой человеческой души. Эта история легко переплетает в себе искренность и ложь, любовь и ненависть, жертвенность и эгоизм, сострадание и ревность. Эта история никому не чужда, потому что — это история жизни.

1 Самые, самые вкусные персики

– Дедушка, можно к тебе?

– Давай, балам. Иди сюда. Я как раз размышлял, почему это утро сегодня неправильное...? Кого-то явно здесь не хватает.

Пожилой мужчина поднял руку, и его маленький внук пролез ему под крылышко и, удобно разместившись, тут же закрыл глаза.

Утро не было ранним. И на самом деле оно было сегодня чрезвычайно необычным. Летние дни в этих краях всегда выделяются своей невыносимой жарой, от которой люди, как правило, прятались в домах. Дома выстраивались из жженного кирпича и сохраняли столь необходимую прохладу. Но этим утром погода всех порадовала. Ночью прошел небольшой дождь, и, хотя земля успела просохнуть, воздух все же был пропитан свежестью, и легкий на удивление прохладный ветерок приятно ласкал кожу.

Дед с внуком удобно разместившись на топчане, окруженные густой зеленой листвой деревьев, лежали на мягких корпешках и подушках и наслаждались приятным чудесным утром. Маленький мальчик, лет пяти – шести, со светлыми, почти пшеничного цвета волосами и большими, зелеными, очень красивыми глазами, лежал на боку, прислонившись к огромному, как ему тогда казалось, животу дедушки, и более уютного и безопасного места для него не было во всем целом мире.

Топчан представлял собой большую беседку из прямоугольной площадки, размещенной на восьми металлических сваях, возвышавших ее на расстоянии приблизительно в метре от земли. От главного дома вела красивая дорожка, выложенная разного размера и цвета плоскими камнями и облагороженная по краям цветами и маленькими кустиками, которая упиралась в довольно широкую, деревянную лестницу с резными перилами, поднимавшую домочадцев на топчан. Над топчаном хозяин дома в защиту от дождя предусмотрительно соорудил крышу, вид которой совпадал по стилю и цвету с крышами других построек в том числе и с крышей главного дома, от чего со стороны все выглядело целостной единой композицией и смотрелось весьма неплохо. Крыша беседки держалась на четырех широких высоких балках по углам топчана, в целях еще большей крепости вшитых в металлические уголки, что позволяло постоянно дышать свежим воздухом и радовало глаза видом окружающей зелени. К каждой балке с двух сторон были собраны и привязаны тонкие, легкие, светлого оттенка тюли, предназначенные для спасения от ветра. Но так как ветер в летнее время был явлением довольно редким, зачастую тюли так и оставались не раскрытыми.

Пол топчана по всему периметру был застелен огромным ковром из войлока ручной работы с классическим национальным орнаментом. Посреди него стоял большой, определявший многочисленность членов этой семьи, круглый низкий стол, за которым возможно было сидеть, либо вытянув ноги под ним, либо подогнув ноги в коленях мужчинам в позе лотоса, а женщинам в бок или под себя. Но для самых маленьких обитателей дома, научившихся уже сидеть и даже ходить, но еще не достававших до стола до нормального уровня тела, хозяин в свое время изготовил маленькие табуретки, которые из поколения в поколение пользовались большим успехом, и которые женщины также охотно использовали для своих домашних дел, таких как дойка коров, выпечка хлеба в тандыре, изготовление самой вкусной на свете сметаны и много чего другого.

Вокруг стола по всему топчану были расстелены многочисленные плюшевые очень мягкие корпешки, своего рода тонкие узкие матрацы, изготовленные также вручную и украшенные национальным орнаментом или разноцветной аппликацией. На корпешках всюду были разбросаны маленькие подушки и валики, также украшенные замысловатым орнаментом с восточными нотками. Один из углов топчана был занят аккуратно сложенными в большую стопку и предусмотрительно прикрытых от попадания пыли тонким под цвет тюлей покрывалом запасных новых корпешек и подушек, на случай появления гостей в доме. Убранство топчана в

национальном стиле и уют, создаваемый текстилем вокруг, вырисовывали перед глазами картинку из восточной сказки, в которой люди оказывались, лишь поднявшись по ступенькам во внутрь.

Дед с внуком обожали бесцельно проводить время на топчане. Дедушка в летнее время практически его не покидал, разве что только когда была необходимость сходить за пенсией, на рынок или еще куда-нибудь, или прослушать новости по телевизору, находившемуся в доме. Удобно расположившись с самого утра, он в основном проводил день за чтением газет, обучением внуков игре в нарды или карты, а иногда, подпевая себе под нос неизвестную мелодию и просто о чем-нибудь размышляя. Маленький внук больше всего любил, когда дедушка задумчиво лежал и тихо напевал под нос свою, только ему известную мелодию. И даже когда они вдвоем во что-нибудь играли, он частенько просил деда полежать с ним в обнимку, ничего не делая, под звуки напева его красивой мелодии. Сегодня как раз был такой день, когда дедушка лежал с закрытыми глазами и о чем-то думал.

– Дедушка, а почему на моем дереве не растут персики?

Старик, прервав мелодию, открыл глаза и присмотрелся к молодому деревцу, растущему по середине сада. Действительно, хотя оно и было еще молодым, но должно было уже плодоносить. Как он сам раньше этого не замечал?

У всех детей и внуков, родившихся в этой семье, и у снох, были свои собственные именные садовые деревья. Это была личная семейная традиция, придуманная и привитая когда-то еще отцом старика. И каждый ребенок в возрасте от четырех до шести лет, а невестки в течении первого года со дня получения своего статуса среди представленных им саженцев выбирали то, к которому лежала их душа. Дети выбирали по своему внутреннему ощущению, по внешнему виду более приглянувшееся дерево, названий они не знали, а взрослые проходили настоящий «ритуал» с выбором саженцев вслепую.

Так в разные годы сад, все больше тесня огородные грядки, пополнялся новыми грушевыми, вишневыми, сливовыми, абрикосовыми и персиковыми деревьями, яблонями различных сортов, алычой и даже каштаном, посаженным когда-то очень давно прямо возле топчана, вернее топчан был построен под его ветвями, и своими густо растущими листвою ветками создававшим прохладную тень и невероятный уют в беседке. Каштан был в свое время выбран старшей дочерью старика и был единственным в саду в своем роде.

У каштана была одна удивительная особенность. Накануне перед дождем на его листьях появлялись капельки сока. Когда-то давным-давно наблюдательный прадед лежащего на топчане мальчика по этому поводу придумал сказку «О плачущем каштане», которая с годами, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, превратилась в настоящую легенду. И легенда эта гуляла по всем окрестностям в различных интерпретациях, но при этом сохраняла в основе всю суть своего повествования.

Плоды каштана, предварительно перемолотые, использовались в основном для дополнения основного корма для домашнего скота. Но также женщины в семье изготавливали из его плодов и цветов различные косметические маски, эффект от которых никому не был известен, но все же они пользовались широким успехом. Дети тоже придумывали различные игры с использованием плодов каштана. Плоды остальных же деревьев использовались по самому прямому назначению. Особенно домочадцы, все без исключения, наслаждались, поедая свежее испеченный хлеб с только что изготовленной вкуснейшей в мире домашней сметаной и не менее вкусным вареньем из плодов деревьев домашнего сада.

Нариман, самый младший внук старика, выбрал, как оказалось, персиковое дерево. Дед с внуком посадили его вместе два года назад, в день рождения Наримана. Это было третье в их саду персиковое дерево. Первые два принадлежали двум внукам, рожденным дочерьми старика.

– Оно еще совсем молодое, внучок. Ему нужно хорошенько прижиться, пустить корни глубоко-глубоко в землю. Думаю, в следующем году ты уже сможешь угощать нас своими собственными персиками, – не желая расстраивать внука, старик старался говорить весело и воодушевленно.

– Смотри как оно качается на ветру. Кажется, одного деревянного кола маловато. Как бы мое дерево не сломалось... – в голосе мальчика прослушивались явные нотки беспокойства.

– Не волнуйся, дорогой. Когда придет дядя Ерасыл, я попрошу его укрепить ствол еще несколькими кольями. Я уверен, что твое дерево вырастет большим и подарит нам самые, самые вкусные персики. Вот увидишь... И откуда ты у меня такой смущенный?

В ответ мальчик улыбнулся и заерзал от удовольствия и испытываемого комфорта в объятиях деда.

– Деда, а о чем ты поешь? – продолжая лежать и теснее прижимаясь спиной к теплому мягкому дедушкиному животу, поинтересовался мальчик, слегка повернув голову в сторону дедушкиного лица.

– Ни о чем и обо всем, балам. Эта мелодия сама рождается у меня внутри и помогает думать, – старик погладил внука по руке и поцеловал в макушку.

– А о чем ты думаешь? – не унимался внук.

– Ни о чем и обо всем, – повторил дедушка. – Мысли также сами рождаются у меня внутри. Например, сейчас я думал о наших бескрайних степях, о наших предках, великих ханах, доблестных батырах, рассекавших эти степи на своих могучих и верных лошадях.

– Лучше бы Вы подумали насыпать корма скотине, – недовольный голос бабушки, появившийся из ниоткуда и так бесцеремонно нарушивший идиллию между дедом и внуком, заставил последних недовольно скривить свои лица.

– Я уже насыпал им корма. Занимайся своими делами, мать, – невозмутимо парировал старик и продолжил напевать себе под нос.

– Лежите так, как будто других дел по хозяйству нет. И ребенка учите с детства быть лентяем. Соседские дети в его возрасте уже баранов пасут самостоятельно, а он даже за собой постель прибрать не может.

Она шла мимо топчана в дальний конец сада, за которым начинался огород с растущими овощами и ягодами, и продолжала недовольным голосом что-то еще себе под нос бурчать, такое же неприятное, и со временем речь ее стала совсем не разборчивой, лишь редкие звуки ее голоса временами долетали до беседки.

Внук с дедом переглянулись, улыбаясь, подмигнули друг другу, и продолжили лежать как ни в чем ни бывало.

– Деда, а когда мама придет? Она что-то давно не звонила...

– Она только вчера не позвонила тебе, балам, – старик снова понюхал голову мальчика. – Не позвонила, потому что летела в самолете. Как только у нее связь наладится, она обязательно тебе позвонит. Потерпи немного, внучок. А придет она через неделю, она же сама тебе говорила. Ты еще календарик завел себе, помнишь?

– Бабушка его выбросила в печку и сожгла... – лицо мальчика исказилось в грустной гримасе.

– Ммммм... Мы сделаем еще один, ничего страшного. Сделаем еще лучше и спрячем от бабушки.

Старик, чтобы избежать слез внука, стал в ответ смешно гримасничать. И ему удалось, мальчик улыбнулся и, повернувшись на бочок, снова стал прижиматься спиной к дедушкиному мягкому животу. Тот в свою очередь затянул свою обычную душевную мелодию под нос.

– Если бы здесь жила бабушка одна, без тебя, я бы никогда сюда не приезжал, – нижняя губа внука смешно вытянулась вперед.

– Не говори так, балам. Она тебя любит... – старик снова поцеловал внука в макушку.

– Она никого не любит, но больше всего она не любит мою маму. Бабушка всегда про нее говорит плохо. Она говорит, что это из-за нее умер папа...

– Нет, сынок, твоя мама ни в чем не виновата. Твоя мама – хороший человек, и у нее очень доброе сердце. Запомни это, балам. Твоя мама – очень хороший человек. И спасибо ей, что она подарила мне такого замечательного внука.

Лицо дедушки излучало любовь и доброту, и лишь блеск в глазах, выдававший невольно выступающие слезы, говорил о большой скорби, еще так сильно беревшей его душу. Прошло чуть больше полугода, как не стало его сына, и рана на сердце была еще такой свежей и такой мучительной. Только внук, этот маленький мальчик, все время прижимающийся к нему, помогал еще оставаться на плаву и жить дальше. Вот только хватит ли сил помочь ему встать на ноги? Кто знает, сколько еще времени ему отпущено Всевышним...

Ход мыслей старика нарушил сильный стук в ворота. Дом со всеми постройками, топчаном и прилегающей вокруг земель был огорожен высоким забором, выстроенному из бетонных блоков. Если смотреть с крыльца главного дома, то перед взором выступал ровный, прямоугольной формы двор, выложенный розово-коричневой брусчаткой. Главный дом находился вдоль длинной стороны двора. Слева от дома примерно в полутора-двух метрах от конца брусчатки за пышной декоративной растительностью виднелся топчан. Напротив дома находился длинный летний домик, разделенный на две части с разными входами для каждой. Одна дверь, которая была ближе к топчану, вела к трем жилым комнатам и небольшой кухне, а вторая, установленная ближе к воротам, открывала вход в гараж, спокойно вмещавший в себя пару автомобилей. Оставшуюся сторону двора, напротив топчана, обозначали высокие металлические ворота красивого небесного цвета, украшенные с обеих сторон резным узором.

Кто-то продолжал упорно стучать в металлическую дверь, хотя на воротах располагалась весьма заметная кнопка звонка, звуки которой были слышны, как на улице, так и внутри главного дома. Из дома выбежала старшая внучка старика, Жания, та самая хозяйка одного из персиковых деревьев в саду.

Она приехала из столицы, где осталась жить и работать после окончания учебы в университете. Приехала погостить к родителям на летний период. Осенью ей предстояла поездка за границу на целый год по работе по контракту, заключенному с иностранной компанией. Заключить этот очень выгодный контракт ей помогла, хотя и не признавалась, тетя Гульнара, вторая дочь аксакала, уже достаточно долгое время живущая за границей. Но Жание было известно, что компания от ее тети получила самые положительные рекомендации.

Любимый абсолютно всеми внуками и внучками дед жил недалеко от родительского дома девушки, буквально в паре километров. И из всех внуков, не считая маленького Наримана, больше всех дедушку боготворила Жания. Старшая внучка всегда окружала его своей заботой и вниманием. Она всей душой обожала и очень трепетно относилась к своему мудрому наставнику, который был для нее самым большим авторитетом с самого детства. Переживая о нем из-за не так давно произошедших событий, так сильно подкосивших старика, она, понимая, что времени, которое лечит все, прошло слишком мало, тихонько за ним наблюдала, и в дополнение хотела перед отъездом вдоволь насладиться его обществом.

За воротами Жания увидела грузовую машину и двух мужчин. Выйдя к ним и прикрыв за собой дверь, она о чем-то тихо с ними переговаривалась. Дед с внуком терпеливо наблюдали из топчана за происходящим. Жания снова появилась в поле зрения и медленно направилась в их сторону. Лицо девушки было бледным, отрешенным и не предвещало ничего хорошего.

– Ата, может быть, Вы с Нариманчиком пройдете в дом? Там приехали рабочие, им нужно разгрузиться. Когда они закончат, я вас позову, – голос девушки был спокойным, но настойчивым.

Старик понял реальный смысл обращенных к нему слов и молча кивнул.

– Балам, пойдем в дом. Как раз должны начаться новости, хочу их послушать. А ты мне помассируешь руку, что-то разнылась она у меня.

Внук помог деду подняться, и они вдвоем зашли в дом. Жания открыла ворота, машина въехала во двор.

Спустя примерно полчаса девушка зашла в дом и незаметно от мальчика кивнула старику.

– Нариманчик, ты посиди с Жанией дома. Мне нужно сделать кое-какие дела, и я вернусь. Хорошо? А потом мы с тобой сходим в магазин за мороженым. Тетя Надя вчера мне по большому секрету сказала, что сегодня должны привезти очень вкусное мороженое, и она для нас его спрячет, – проговорил дед внуку заговорщицким голосом.

– Ладно, ата, я подожду здесь. Только ты по быстрее возвращайся. Вдруг мороженое уже тает.

Старик, с нежностью в глазах улыбнувшись, погладил мальчика по голове, поднялся тяжелее обычного и вышел из дома. На пути к сараю, куда рабочие отнесли таинственный груз, он встретил свою жену. Ее недовольное лицо говорило само за себя.

– Вы видели? Она и здесь наплевала нам в душу. Я же говорила, чтобы сделали черного цвета. Он намного благороднее. Нет... Она специально все это сделала, назло нам. Что? И дальше будете ее защищать?

– Да замолчи ты уже наконец. Ни на кого она не плевала... Я знаю, что мастера должны были сделать. Айжан советовалась со мной, и я в курсе.

– Ах вот оно чтооо... Она и Вас окрутила... Вот стерва, гадюка поганая! Ну идите... давайте идите... Наслаждайтесь... Пусть мои материнские слезы покажут вас всех!

– Да замолчишь ты или нет?! – старик, не сдержавшись, сорвался на крик. – И при ребенке больше не смей ругать его мать!

Лицо его жены скривилось от злобы, раздиравшей ее изнутри. И в неудержимом порыве она прокричала:

– Будьте прокляты вы все! Слышите?! Все!

С досады старик сплюнул на землю, нервно мотнул головой в сторону и направился к сараю. Дверь с заржавевшими петлями со скрипом еле поддалась. Внутри было довольно темно. Свет проникал лишь из расположенных в боковой стене под самой крышей верхних проемов, закрытых сеткой-рабицей. В глубине сарая у противоположной стены под мягкими лучами виднелась обшитая металлическими лентами деревянная крышка погреба, откиннутая к стене, от чего остро ощущалась влажность, поднимаемая снизу с земли, что в свою очередь усиливало духоту. Лоб старика мгновенно накрылся испариной, дыхание стало прерывистым, к горлу подкатывал неконтролируемый ком.

В углу также мягко освещаемый проникающими сквозь сетку лучами солнца стоял надгробный камень из белого мрамора. На камне было выбито лицо молодого человека. Старик некоторое время неподвижно смотрел на улыбающийся портрет безвременно ушедшего сына. Внезапно его нахлынули воспоминания, но особенно горькими были о последних днях его жизни. Он упал на колени прямо перед камнем, дрожащей рукой провел по лицу на камне, и заплакал. Глубокое чувство вины, раздиравшее старика изнутри, и чувство сожаления невозможности повернуть время вспять выходило наружу еле сдерживаемым криком, от чего со стороны казалось, будто большой раненый зверь изливает свои страдания рыком. Ручьи соленых слез из поблекших с годами глаз застревали в старческой бороде и находили себе там свое пристанище.

Картинки из прошлого быстротечно сменяли друг друга. И в каждой он видел доброго, улыбающегося, но глубоко несчастного мальчика, юношу, а потом молодого мужчину в расвете своих самых лучших лет. И вот перед глазами Жанибек, стоящий у двери и обернув-

шийся напоследок. Его печальная улыбка и легкий, едва заметный, ободряющий кивок – это все, что старик получил перед его уходом. Это последнее, что он увидел и запомнил...

Внезапно грудь старика пронзила острая боль. Широко открыв рот, он пытался вдохнуть столь необходимый воздух, но тело не слушалось. Сознание уходило, он начал падать на бок, неудачно подвернув под себя руку. Легкие все также предательски не хотели впустить в себя кислород. Старик упал и, уходя в небытие, тихо прошептал:

– Прости... балам... прости Ш...

Обеспокоенная долгим отсутствием деда Жания нашла его в том же положении в сарае. Тело было еще теплым, но душа его уже покинула. Горячо обожаемый дедушка ушел, оставил их навсегда. Из груди девушки рвался душераздирающий крик, но, крепко заткнув обеими руками рот, она не могла его себе позволить. Ради Наримана... нельзя... она должна держать себя в руках, она должна быть сильной.

Голова шла кругом. Она пыталась хладнокровно оценить обстановку, просчитать все необходимые действия. Пыталась понять, что ей следует в первую очередь предпринять, но ничего не получалось. «Теперь наш мир станет иной,» – среди целого потока мыслей, только одна все время назойливо вертелась в голове, не желая отпустить разум. Жания невероятным усилием собрала всю свою волю в кулак и, набрав номер, глубоко вздохнув, поднесла телефон к уху:

– Папа, это я. Бери маму и приезжайте. Аташка умер...

2 Два ведра холодной воды

– Дядя Алтынбек! Дядя Алтынбек! Суюнши! Родилась! Суюнши! У Вас родилась дочка!

С нехарактерными для жителей родного аула светловолосый мальчик лет восьми, с криком влетел в дом, где в большой комнате за длинным столом сидело много человек и трапезничало. В этот день дом был полон гостей, в этот день вся огромная страна отмечала очередную годовщину дня победы в самой страшной, самой разрушительной войне. Не было ни одной семьи, в которой так или иначе она бы не оставила свой горький след. Празднование этого дня на самом деле считалось огромным событием, которое никто никогда не обходил стороной даже в своих мыслях. Вот и в доме ветерана Заманбека, почтенного аксакала, известного на всю округу, собрались ближайшие родственники, чтобы отдать дань уважения старцу и почтить память погибших родных и близких.

От такого количества народа глаза мальчика разбежались и очень трудно было сфокусироваться на ком-то одном. Он усердно выискивал в толпе того, кому предназначались его слова.

– Ты пришел с улицы, сначала иди помой руки, Ануар, – невозмутимо спокойно произнес один из мужчин, сидевший за столом и неторопливо поедавший руками пищу из своей тарелки.

Это был его отец, по имени Алишер, младший брат Алтынбека. Отец мальчика был довольно красив. На редкость большие, темно-карие, почти черные, глаза, унаследованные от матери, награждали людей своим добрым и умным взглядом. Он был обладателем густой, выющейся, только-только начинающей покрываться у висков мелкой сединой, шевелюрой. Не менее густые черные брови и ресницы делали лицо очень выразительным. Вот только нос, по размеру больше среднего, был далек от идеала красоты, но по-своему придавал облику мужественность. Алишер внешне был очень похож на старшего брата. Лишь только их большая разница в возрасте, почти в десять лет, выдаваемая большей сединой Алтынбека, и отсутствием иной растительности на лице младшего брата позволяли людям их различать. В отличие от старшего брата, Алишер был гладко выбрит, не имея ни усов, ни бороды, которые с гордостью носил Алтынбек. Только бороду старший брат отрастил уже к старости. В свои зрелые годы лицо он украшал лишь черными, идеально постриженными усами.

Мальчик послушно развернулся, выйдя в коридор в сторону умывальника. Через некоторое время он снова появился в дверях, теперь уже выискивая для себя свободное место у стола. Заметив наконец свою мать, выразительным взглядом указывавшую ему на место возле себя,

на коленях которой сидел его младший брат и поглощал еду, размазывая все вокруг своего рта, да и вокруг тарелки на столе. Рядом с матерью, по другую сторону, сидел другой его младший брат, но постарше, лет шести, который широко улыбнулся, обрадовавшись при виде Ануара.

Обойдя вокруг стола, поздоровавшись со всеми мужчинами, Ануар наконец разместился возле матери и терпеливо ждал. Пока его мать накладывала невероятно аппетитно выглядящий и пахнущий бешбармак, его дядя, к которому он бежал с новостями, произнес:

– Спасибо, балам. Ты заслужил свой суюнши. Айсулу, кажется, сегодня под утро у нас родился ягненок, так вот, он теперь принадлежит Ануару, – Алтынбек обратился к своей старшей дочери и весело подмигнул мальчишке.

Вспыхнувший блеск в глазах мальчишки был самым откровенным доказательством радости и довольства только что полученным подарком. Алтынбек продолжал:

– Пусть он немного окрепнет, сынок. А потом сможешь его смело забирать.

– Поздравляю, брат! Пусть дочь растет вам с Мариям на радость! – произнес отец мальчишки. Искренность его пожеланий и радости чувствовалась в каждом слове.

– С чем ты его поздравляешь?! Шестая дочь! Ему нужен сын! – старик, сидевший во главе стола, стукнул кулаком по столу.

Переведя взгляд на старшего сына, также гневно и медленно продолжил:

– А этот... тоже мне хорош! Раздает скот направо и налево! Ишь ты... байский пережиток!

Из-за внезапно образовавшейся тишины в помещении можно было легко расслышать жужжание мухи у окна. Испуганные лица женщин и детей ярко свидетельствовали о стремительно надвигающемся торнадо, которое вот-вот обрушится на их головы следом за тишиной. Два брата взглядом указали им в сторону двери. Тут же все соскочили со своих мест и направились к выходу. Бедному Ануару, не успевшему положить в рот ни кусочка, его мать разрешила взять тарелку с собой.

Алтынбек обратился к дочери:

– Айсулу, кызым, заберите большое блюдо с собой, дети не доели, и прикройте, пожалуйста, дверь за собой.

Как только дверь за женщинами закрылась, Алтынбек развернулся в сторону своего отца и сказал:

– Я раздаю скот не кому попало, отец. Дети Алишера – и мои дети. И если я и подарю кому-нибудь не из семьи, то что в этом такого? Все, что у меня есть, я честно заработал. Наша покойная мать, да будет мир ее праху, всегда говорила, что щедрость к нам перешла от Вас. Сегодня хороший день... у меня родился ребенок... родилась красавица дочь. Порадуйтесь за меня, отец.

Голос Алтынбека внушал вокруг всем присутствующим свое спокойствие и уважение. Накалившееся было до предела напряжение в комнате потихоньку стало спадать к нулю. Сидевшие за столом мужчины, родные и двоюродные братья аксакала, закивали и с благодарностью смотрели на старшего племянника.

– Ну и что, что у Алтынбека снова родилась дочь. Даст Всевышний у него еще будут дети. Здесь нет вины Мариям, отец, – зацепившись за смену настроения окружающих, Алишер встал на сторону брата.

– Вздумал мне перечить? – сверкнув глазами, с еле заметными угрожающими нотками тихо произнес старик, глядя на своего младшего сына. Но с каждым предложением его голос поднимался на тон выше. – Знай свое место, щенок. Если бы не твоя жена, родившая тебе трех сыновей-батыров, глаза бы мои тебя не видели! Думаешь, я забыл, как ты женился?! Снова против отца идешь?

Мужчины за столом снова напряглись и затихли. Теперь Алтынбеку пришлось прийти на помощь брату:

– Ладно, отец... На сегодня хватит этих громких и нехороших слов. Алишер уже более десяти лет женат на Шадиар, а Вы все никак успокоиться не можете. Посмотрите на них, они же счастливы. Вы правильно подметили, каких великолепных батыров она ему родила. И мы с Мариям тоже счастливы. Спасибо, что подобрали мне такую жену. И Алишер тоже все верно говорит. Даст Всевышний у нас еще будут дети, мы хотим много детей. Главное, чтобы здоровье было крепким.

– Да ну вас... делайте, что хотите... – немного помолчав, смягчился старик и махнул рукой.

И судя по тут же появившейся улыбке Алишера, можно было предположить, что у их отца, несмотря на преклонный возраст, все еще взрывной характер был в порядке вещей, и, уже привычная буря, как правило, всегда была скоротечной, за которой также всегда следовало только что представшее нашему взору моментальное смирение.

– Но не забывай, тебе нужен сын. Если Мариям следующего ребенка снова девочкой родит, я выгоню ее из дома, – строго проговорил в сторону Алтынбека его отец.

А затем уже совсем спокойным голосом продолжил:

– Горло пересохло от вас... довели батю... Зовите их обратно, пусть чай дадут.

Указывая жестом в сторону двери, он говорил о спрятавшихся женщинах и детях.

– Папа, давайте попьем чай на топчане. Я забью Вам и нашим дорогим гостям вкусный кальян, – Алишер миролюбиво стал уговаривать отца. – Дети не поели до конца, пусть здесь останутся, нормально покушают.

– Не прикрывайся детьми. Знаю я... о своей женушке печешься. Она пока младшего кормила, сама не успела ничего поесть, – ничто не ускользало от зоркого наблюдательного взгляда старика. – Ладно, пойдемте на топчан.

Мужчины встали со стола и вышли из дома. Алишер отдав жене и племянницам нужные поручения, побежал готовить кальян. Ануар, успевший поесть в соседней комнате, побежал за отцом. Он очень любил наблюдать, как его отец, всегда так серьезно подходивший ко всему, почти ритуально, как бы отдавая кому-то дань, с большим почтением готовил кальян для гостей. Следом за Ануаром побежал второй сын Алишера, Дидар. Если у Ануара идолом был отец, то Дидар боготворил обоих, и отца, и Ануара. При этом оба брата также сильно любили свою мать с их младшим братом, демонстрируя свои чувства всяческой заботой о них.

Заслугу эту можно было смело отнести к Шадиар, хотя и доброе сердце Алишера также сыграло немаловажную роль в их становлении настоящими мужчинами. Мудрая не по годам, всегда спокойная, Шадиар учила сыновей в первую очередь проявлять любовь и уважение, особенно к их деду, дяде и отцу. И у нее хорошо получалось прививать мальчикам быть почтительными и терпеливыми к старикам, не исключено, что добродетель и другие хорошие качества с легкостью передались им от нее с материнским молоком. Любовь, царившая в их семье всегда, не оставляла окружающих людей, будь то родственники или соседи, или кто-либо еще, быть равнодушным. Кто-то восхищался, кто-то был искренне рад, а кого-то переполняла зависть.

На следующий день Алтынбек поехал в районную больницу навестить жену и посмотреть на ребенка. Их дом стоял почти в самом сердце этого районного центра, совсем рядом находились отделение почты, отделение полиции, в то время имевшее название «милиция», центральный универсам и центральный рынок. А вот больница находилась довольно далеко, ближе к горам, и идти пешком такое расстояние было затруднительно, даже взрослому крепкому мужчине.

По дороге в больницу он, окунувшись в воспоминания минувших дней, размышлял о своей жене, своей семье, своих дочерях. Воспоминания о страхе, испытанным им в момент, когда отец объявил о его скорой женитьбе, вызывали сейчас у него только улыбку. Конечно, сначала пришло удивление услышанному, а потом только страх, за которым последовало повиновение и смиренность.

***

В те годы возрастная категория молодых людей, обязанных создавать отдельную ячейку в обществе в виде семьи была вдвое младше нынешнего поколения современного общества, только-только готовящегося на такие решительные действия, как создание семьи. Стоит отметить, что до наших дней все же дошло, особенно в глубинках нашей страны, навечно укоренившееся мнение, где девушка, не вышедшая замуж до тридцати лет, обязательно обвешивается ярлыком «старой девы», и у родственников умирает всякая надежда когда-либо выдать ее замуж вообще, если только не свершится чудо. Видимым различием между прошлым и будущим было лишь смещение возрастного диапазона «старых девиц».

Во времена молодости Алтынбека сей ярлык вешался на девушек, едва переваливших двадцатилетний возраст. Помимо этого, ярлык могли повесить также и на молодого парня, который по непонятным, каким-то странным причинам, приближаясь к возрасту двадцати пяти, не собирался создавать свою семью. Вот и слишком уж застенчивый Алтынбек, уже несколько месяцев как вернувшись из службы в армии, почему-то не торопился с этим делом, что, естественно, сильно удручало его родителей, особенно отца. И отец, недолго думая, решил взять дело в свои руки и найти сыну достойную жену.

Вообще, семья Заманбека, отца Алтынбека, считалась очень уважаемой и почетной в их ауле. Он, герой, ветеран войны, самый молодой в совете старейшин, был прославлен и известен в каждом доме. За год до окончания войны, сумев выжить после серьезного ранения, контуженный он вернулся в свои родные края, к своей семье, к своей жене. Жизнь этого человека была не всегда спокойной и счастливой, скорее в своей большей половине она была заполнена печальными и мрачными событиями.

Возвращение домой заставило Заманбека пережить самые страшные минуты в его жизни, о которых он старался не вспоминать никогда. Приехав к дому, на его месте он нашел лишь развалины. Оставшиеся полуразрушенные стены свисали над обрывом, за которым текла горная река. В тот момент ему казалось, что сердце его остановилось. Зачем злодейка судьба вернула его к жизни, где нет его семьи? Какая страшная ирония, пройти ад войны и в награду остаться одному в мире. Внезапно им овладело отчаяние, и пришла мысль броситься в воду и покончить со всем этим. Зачем жить, если жить больше не для кого?

Но тут он услышал крики. В его сторону бежала старушка, их соседка, и что-то кричала. Он обернулся и замер. Добежав до него, она схватила его за руку мертвой хваткой. Ей понадобилось время, чтобы восстановить дыхание, она продолжала держать его за руку. Он терпеливо ждал. Наконец отдышавшись, первым делом она бросилась ему на шею и стала обнимать. Из глаз потекли слезы, у нее слезы радости, у него отчаяния и боли. Но, узнав, что его семья в порядке, что все живы и здоровы, слезы Заманбека заиграли радужным блеском и лицо озарилось счастливой улыбкой.

Много дней шли сильные обильные дожди, такие нехарактерные для этих мест. Вода в реке вышла из своих берегов и дошла до десятков домов, в том числе и до дома Заманбека. Мощный поток уносил за собой землю и камни, расширяя берега и разрушая близстоящие дома. Дильда, его любимая жена, вовремя обнаружив опасность, успев собрать детей и документы, смогла спастись. Никто не пострадал, только нажитое добро река унесла с собой. Их приютили родственники, у которых они живут и по сей день. На радостях Заманбек собрался уже было бежать к ним, но старушка остановила его. Она рассказала, что на днях приходил солдат, искал их дом. Он принес плохие вести семье Заманбека, хотел рассказать о его гибели на пути к дому. Но соседка не стала сообщать нового адреса, отослав солдата куда подальше. Не верила она ему. Ведь каждый вечер она «бросала кумалак» на каждого батыра из их аула, ушедшего на войну. Гадание говорило, что все живы, не было смертей в ее камушках.

Заманбек просил старушку не сердиться на солдата, солдат не лгал. Действительно поезд, в котором он добирался до дома, был атакован врагом. Но раньше этого, выйдя на одной из

станций, он опоздал, выбирая красивый платок жене в подарок, поезд умчался без него. Вот так ему пришлось добираться на попутных машинах, а где-то пешком. Вот так ему повезло, и он остался в живых. Вот так Заманбек добрался до своей семьи, но не до дома. Но ничего его больше не печалило, разумно рассуждая, он считал, что все остальное было поправимо.

Помимо того, что он пережил личный ад, и почти до конца пройдя страшную войну с самого ее начала, ему в течение всей его жизни пришлось похоронить много родных и близких людей, в том числе обоих родителей, четырех дочерей и двух сыновей, а потом и жена покинула этот мир, оставив его одного. Война, голод, болезни, несчастные случаи как будто преследовали его семью. Один за другим дорогие ему люди уходили в мир иной. И только двух сыновей судьба ему уберегла и позволила вырастить, позволила дать образование, позволила помочь создать им свои семьи и, наконец, позволила увидеть внуков.

Его жена, его верная спутница шла всегда рядом с ним. Она достойно и мужественно переносила все тяготы жизни, даже в самые ужасные минуты отчаяния, когда ее мужу, Заманбеку, обессиленному, упавшему на колени и никак не могущему подняться, казалось, что мир рушился прямо перед его глазами, она, преодолевая себя, призывая в помощь себе все небесные силы, подымала его и вела дальше, вела по их совместному нелегкому пути, и только так, и никак не могло быть иначе. Люди того времени во истину были сильны духом, сильны телом, и это была норма, потому что на любое отклонение они просто на просто не имели права, в прямом смысле в те времена выживали только сильнейшие.

А теперь представьте ситуацию, когда вы – мать или отец, не важно, один за другим хороните шестерых своих детей, и после этого вам нельзя сойти с ума, нельзя терять веру, нельзя никого винить, даже себя, особенно себя, вам надо жить дальше, и стремиться жить дальше и лучше, и стараться не думать, не оборачиваться, и лучше не вспоминать...

Все верно... Я тоже не могу представить такую ситуацию, потому что сразу нарушу первый же запрет и, возможно, даже с радостью сойду с ума. А им было нельзя, и они смогли. Мы сейчас легко позволяем себе кричать, встать на краю и выпустить что есть силы эту горечь и боль изнутри, им же и этого было нельзя. Как много было нельзя, и как мало было можно... И при всем при этом, люди умудрялись доставлять друг другу немножко счастья, кусочками, но все же настоящего.

Свет был везде выключен, лампы потушены. Стараясь не шуметь, Заманбек тихо пробиравшись к дому через сад. Воспоминания молодых лет, когда он также украдкой бежал на свидания к прекрасной Дильде, теперь уже своей жене, невольно вызвали на лице улыбку. Эххх, что бы он был готов отдать, лишь бы снова почувствовать себя тем мальчишкой? Отгоняя прочь неуместные и нелепые мысли, он зашел в дом. Домочадцы, давно поужинавшие и ушедшие в отбой, мирно спали в своих постелях. Но в одном он был уверен, Дильда точно не спала. Она всегда его ждала. Пройдя в их комнату, он увидел ее лежащую спиной к двери, на боку, но уверенность в правоте своих убеждений не покинула его и на этот раз, и он был прав.

– Дильда, ты помнишь Кобжасара, Сына Келгенбая? Он живет в соседнем ауле, – старик редко обращался к жене по имени, только когда касалось важных тем. Жена, изучившая мужа как свои пять пальцев, давно раскусила эту особенность, и поэтому моментально сосредоточилась.

– Продолжай, Заке. Пока я вспомню, наступит завтра, – переживая, что муж забудет суть разговора, Дильда не стала тратить время на воспоминания.

В ответ она услышала непонятный тихий скрежет, исходивший от мужа. Несколько секунд прислушиваясь к звукам, но все же не разворачиваясь, она продолжила:

– Ты смеешься, или ты умираешь?

Скрежет стал еще сильнее.

– Да тише ты, старый ишак. Сейчас весь дом разбудишь, – шепотом проворчала Дильда.

Заманбек, наконец-то раздевшись, нырнул в постель к своей жене и обнял ее. Она была такая теплая, такая мягкая, что невольно само по себе у него возникло желание.

– Олаяя... бетымай... посмотрите на этого старого осла... Совсем из ума выжил? Совсем стыд потерял? Если кто-нибудь узнает, вот позорище-то будет, – она уверено, но мягко отстранила мужа от себя. – Ты где был-то? Пил что ли? И что там с этим Кобжасаром?

Отвергнутый муж какое-то время лежал насупившись, всячески проявляя обиду на свою жену. Но потом ход его мыслей привел к началу их разговора, и он забыл про все остальное. Он так много хотел рассказать своей жене, столько новостей он спешил ей сообщить, но теплая постель опередила все на свете и стала усердно заволакивать его сознание.

– Я нашел Алтынбеку жену... – успел проговорить Заманбек и тут же провалился в глубокий сон, подтверждавшийся громким храпом.

А его жена, потрясенная услышанным, вынужденная вместо продолжения слушать храп своего мужа, долгое время лежала без сна, разбирая в голове целый ворох внезапно возникших мыслей.

Жители аула всегда просыпаются очень рано вне зависимости от того, во сколько они легли накануне. Их жизни были тесно привязаны к жизни домашнего скота, которым требовалось внимание еще спозаранку. Возвращаясь с полным ведром только что надоенного молока, Дильда увидела мужа на крыльце дома, склонившегося над ведром с водой.

– Алтынбек погнал коров к чабану, скоро вернется, поговори с ним, но только, прошу тебя, сильно не дави на него. Принести тебе чего-нибудь? Есть холодный айран. Могу сделать шалап. Голова болит? – в голосе Дильды не было ни капли укора, за что Заманбек еще больше ее любил, еще больше уважал.

– Нет, голова в порядке. Я вчера немного выпил. Но айран бы выпил, потом. Иди сюда, сначала хочу тебе рассказать, посоветоваться.

Поставив ведро с молоком на топчан и предусмотрительно бережно накрыв его чистой марлей, она присела на ступеньки крыльца возле мужа. Дождавшись жену, Заманбек снова заговорил:

– Это дочь Кобжасара, кузнеца из соседнего аула, от первой покойной жены, да будет мир ее праху. Ее зовут Мариам.

Заманбек тяжело вздохнул, что заставило Дильду внутри напрячься. Ей совсем не понравился этот вздох.

«Лишь бы она была здоровой и не сильно страшненькой, а остальное ерунда, чтобы ни было, мы справимся,» – подумала Дильда, но вслух ничего говорить не стала, терпеливо выжидая того, что хочет поведать ей муж.

– С девочкой проблем нет, не волнуйся. Разве что только то, что она молоденькая еще, через три месяца ей семнадцать лет исполнится, – словно читая ее мысли, успокоил ее Заманбек. – Я просто заново переживаю ее историю. Жаль девчонку. Она совсем маленькой без матери осталась, и Кобжасар – глупец, не отдал ее свояченице, когда та просила. А теперь вторая жена ни минуты покоя не дает. Замучила совсем девочку. И Кобжасар страдает от своего бессилия... бесхарактерный добряк! Жену свою на место поставить не может...

Заманбек с раздражением и досадой сплюнул на землю. Брови Дильды сошлись в переносице, но она продолжала молчать.

– Короче говоря, я ему дал слово, что на неделе мы придем свататься. Помоги мне убедить Алтынбека, – Заманбек посмотрел на свою жену только после того. Как закончил говорить. Дильда некоторое время сидела в задумчивости, он ей не мешал.

– А ты видел девочку? – начала она с вопроса.

Увидев отрицательно покачивающуюся голову мужа, продолжила:

– Хорошо, убедим Алтынбека вдвоем.

Заманбек абсолютно не свойственным ему жестом одной рукой обнял жену за плечи. Дильде стало приятно, но виду она не показала. Наоборот, сильнее обычного толкнула кулаком мужа в бедро и ляпнула:

– Не лезь ты в чужие семьи. Сколько тебя просить? Пусть этот Кобжасар сам варится в своем казане. Какая тебе разница, что он с женой делает, или что она с ним делает?

Вставая с места, Дильда демонстративно набрала в ковш воды из ведра, намереваясь смыть плевок мужа и замерев в ожидании.

– Ты тоже знай свое место, раскудахталась... – пробурчал Заманбек, послушно поднимая свои ноги.

В этот момент вернулся Алтынбек. Каждое раннее пре раннее утро, он должен был гнать домашних коров, а их было две буренки и два теленка, через овраг за домом к общему стаду рогатого скота, который аульный пастух собирал со всех домов и уводил пастись в течение дня на жайлау. И с заходом солнца, вдоволь насытившиеся сочной травой быки, коровы и телята, встречаемые хозяевами, возвращались в свои стойла.

Раньше, пока Алтынбек служил в армии, эту работу выполняла Дильда и Заманбек по очереди, но в большей степени, конечно, Дильда. После возвращения эта обязанность по умолчанию легла на плечи Алтынбека. Вообще вся работа по уходу за домашним скотом и его содержанию легла на Алтынбека по умолчанию. Он же в свою очередь все исправно выполнял, ни разу не пропустив назначенное время по утру или по вечеру, всегда содержа хлев для животных в чистоте и порядке, даже курятник.

Второй младший сын Заманбека и Дильды, Алишер, следил за порядком в сарае, погребам и чистотой в доме. Оба их сына не сторонились бесконечных домашних дел и были настоящими работягами, помогая родителям практически во всем. Они не гнушались ничего, даже той части работы, которая в селе относилась к чисто женской и высокомерно пренебрегалась многими мужчинами-сельчанами. Алтынбек, например, мог легко подоить коров, а Алишер, очень сильно привязанный к матери, наблюдая за ней, постоянно обучался ее различным умениям, и к своим тринадцати годам мог также легко по просьбе матери замесить тесто для выпечки хлеба.

Отец семейства Заманбек более всего предпочитал пасти овец, а их у него было порядка пятнадцати, что позволяло ему параллельно заниматься любимым делом – чтением книг, что также позволяло углубляться в свои мысли и философствовать наедине с самим собой.

Бывали вечера, когда отец с сыновьями позволяли себе расслабляться и, сидя на топчане, дружно вырезали из дерева фишки и доски для игры в нарды, украшая их замысловатыми красивыми узорами. Не только жители их аула, но и с соседних сел и деревень были наслышаны об их увлечении. И порой кто-нибудь обращался с просьбой обменять на что-нибудь, вплоть до домашнего скота или птиц, их поделки. С годами, хобби у молодых ребят переросло в достаточно доходное дело.

Увидев родителей и их взгляд, устремленный на него, у Алтынбека внутри что-то щелкнуло. Но в силу своего воспитания он никогда не начинал разговор первым. Отец жестом позвал его на топчан. Следом за ними прошла Дильда. Удобно разместившись, Заманбек снова внимательно посмотрел на сына.

– Мы хотим, чтобы ты женился на Мариям, дочери Кобжасара, кузнеца. Знаешь о нем? Слышал? – Заманбек всегда отличавшийся своей прямоотой, не отступил от своей привычки и на этот раз, бросив сыну в лоб всю суть разговора. – Она хорошая девочка. И отец ее хороший человек. Ты уже в возрасте, тебе давно пора жениться, сынок.

– Посмотри на нас. Мы уже не молодые. И мы хотим видеть внуков, – Дильда продолжила речь мужа, вложив в слова, обращенные к сыну, всю свою любовь. Она взяла Алтынбека за руку и поцеловала.

– А я могу подумать? У меня есть время? Я могу ее увидеть, хотя бы издалека? – Алтынбек старался быть почтительным и мягко задавал вопросы родителям.

– Справедливо, – подумав немного, ответил отец. – Но я обещал ее отцу, что скоро мы придем свататься.

Он делал признание сыну, разглядывая трещинки на столе, не решаясь взглянуть на него. Потом, все-таки решился и сказал вслух:

– Я не буду на тебя давить. Подумай до завтра, утром сообщишь свое решение.

Оба родителя посмотрели на сына.

– Сегодня я хочу пойти пасти овец. Вы не против, папа? – Алтынбек был как обычно учив. Немного удивленный Заманбек, не стал возражать.

Плотно позавтракав, Алтынбек завернул себе кусок свежей лепешки, несколько шариков курта, налил в отцовскую боевую флягу шубата и погнал овец на луг, расстилавшийся на окраине аула.

Их аул размещался в очень красивой и богатой растительностью местности у подножия гор. Природа вокруг в любое время года всегда завораживала своей первозданной красотой. Свежий воздух и вкусная ледяная вода горного родника могли любому вскружить голову и привести в расслабленное и умиротворенное состояние. Жители близлежащих окрестностей по праву считались везучими и успешными. Плодородная земля, густая растительность, да и незабываемая красота вокруг и приближенность к величественным горам делали их более счастливыми, поднимали уровень их жизни порядком выше, чем у некоторых степных жителей.

Удобно разместившись под деревом, пересчитав пасущихся баранов, Алтынбек ушел в свои размышления. Он хорошо понимал, что сам допустил такую ситуацию, вынудив родителей к решительным действиям из-за своей природной застенчивости. Он понимал и принимал их правоту. Но он боялся. Внутри зародился страх, что он не сможет быть хорошим мужем, хорошим отцом. Вместе со страхом растущим комом металось внутри сомнение, сомнение к самому себе. Получится ли у него достойно прожить свою жизнь? Сможет ли он подарить счастье своей семье? Не будут ли разочарованы его родители, жена, будущие дети? Имеет ли он право поддаваться своим страхам и сомнениям и идти наперекор желанию родителей? Действительно ли они правы и лучше знают, что для него будет хорошо? Много вопросов возникало в голове и не давало ему покоя. Ответы на некоторые из них приходили следом, а некоторые, более сложные, более глобальные вопросы так и оставались безответными.

Временами он отвлекался от своих мыслей, следил за овцами, пересчитывая их по головам, сбиваясь и снова считая. Убеждаясь, что все в порядке, все бараны в целости, что никто от стада не отбился, он вновь уходил в свои размышления. К моменту возвращения домой в его голове был готов относительный план, по которому он решил следовать, максимально используя отведенное ему отцом время до утра.

Закрыв овец в загоне, умывшись и переодевшись в свою выходную одежду, Алтынбек предупредил мать, чтобы к ужину его не ждали, и вышел за ворота, сопровождаемый зорким молчаливым взглядом своего отца. Время близилось к вечеру, но было еще светло. В селе, в котором жила его будущая жена, он легко отыскал ее дом. В те времена многие сельские жители еще отгораживали свои дома высокими заборами и строили небольшие деревянные заборчики. И подобрав себе удобное безопасное место, с которого можно было наблюдать за всем происходящим в доме и не быть замеченным, он стал выжидать.

Семья у Кобжасара по нынешним меркам была большой. То и дело по двору сновали люди, жена хозяина дома практически все время находилась возле печи, старшие дети, занятые распределенной между ними домашней работой, как муравьи спешно перемещались между домом, другими постройками, топчаном, огородом и так далее. Мелкая ребятня, так раздражающе путаясь под ногами взрослых, с шумом бегала по двору, увлеченная своими играми.

Даже с наступлением сумерек активность движения в доме не уменьшилась. Тишина, видимо, приходила, лишь когда все домочадцы отходили ко сну.

Среди тех, за кем Алтынбек наблюдал, он сразу подметил милую стройную девушку. Она была единственной, кто с серьезным видом молча занимался своим делом, устаивая своих родственников звуками своего голоса лишь при ответах на вопросы. Не ускользнул от внимания Алтынбека и строгий, порой надменный взгляд жены хозяина в ее сторону, резкие, грубые реплики при обращении к ней. Реакции со стороны девушки было никакой, также молча она заканчивала одну работу и тут же принималась за другую. Заранее настроенный на разочарование, Алтынбек был приятно удивлен ее красотой, и невольно на его лице появилась загадочная улыбка.

В какой-то момент девушка вышла за ворота, держа в руках два пустых ведра. В конце улицы он увидел колонку, из которой жители набирали в дом питьевой воды. Не все дома по различным причинам могли себе позволить вырыть собственные колодцы внутри своего дома. К такому дому относился и дом Кобжасара. Им же, то есть Алтынбеку и его родителям с братом, повезло больше. В их доме имелся собственный колодец с водой.

Не успев подумать, ноги Алтынбека сами понесли его вслед за девушкой. Он догнал ее возле колонки. Рядом никого не было, повезло. Девушка, заметив Алтынбека и по его свободным пустым рукам предположив, что он хочет попить воды, отошла в сторону, уступая ему место у колонки.

– Нет-нет, спасибо. Я не хочу пить, давай я помогу набрать воду, – внезапно взволнованность сделала из Алтынбека настоящего болтуна.

Девушка от неожиданности от услышанного, сначала впала в ступор, но потом быстро собравшись, слегка нахмурившись, покачала головой в знак отрицания и стала, так и не проронив ни слова, набирать воду в ведра.

– Меня зовут Алтынбек, я сын Заманбека. Я из соседнего села. Я пришел специально увидеть тебя, – юноша поражался своей смелости, наверное, больше, чем сама девушка, удивленно уставившаяся на него. – Но ты вышла из дома, и мне повезло больше. Поговори со мной, пожалуйста.

– Вот ты меня увидел. Доволен? – ее голос был красивым и ласкал Алтынбеку слух.

– Ты не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Заметив ухмылку на ее лице, открыто говорящую, что он ей абсолютно не страшен, Алтынбек продолжил:

– Ты еще, наверное, не знаешь. Наши отцы вчера встречались. Они договорились между собой о нашей свадьбе. Тебя хотят выдать замуж за меня.

Теперь на ее лице наряду с удивлением появился страх. Она пристально посмотрела на молодого человека, пытаясь распознать истинные мотивы человека, стоявшего напротив нее. Такого поворота событий она явно не ожидала. Теперь ей была понятна еще большая угрюмость и скрытность ее отца со вчерашнего дня. Но она не могла поверить, что отец таким образом хочет избавиться от дочери, так мешавшей быть абсолютной счастливой его нынешней жене.

– Думаю, твой отец больше желает счастья тебе, нежели покоя себе, – сказал парень, пытаясь улыбнуться. Но вместо этого у него вышла смешная неуклюжая гримаса.

Она вздрогнула, осознав, что каким-то образом ее мысли вылезли наружу.

Тем временем Алтынбек продолжал бесконтрольно размышлять вслух:

– Не думай плохо о нем. Он не может быть хорошим человеком для всех, а для тебя плохим, это не логично. Наверняка, ты его любишь, и чувствуешь его любовь. Наверняка, он хочет сделать все, чтобы в первую очередь было хорошо тебе. Он бы не поступил иначе.

В мудрых словах этого юноши была своя правда. Она не могла это не признать. Но, чтобы удостовериться, ей было необходимо поговорить с отцом. А вот это была проблема. Сама веро-

ятность того, что может состояться разговор по душам между отцом и дочерью, выходила за рамки реального. И она знала, что не позволит себе обратиться к нему с вопросами, а он не заговорит с ней об этом. Что-то нужно было предпринять. Но что?

– Зачем ты мне все это говоришь? Если наши отцы все решили, разве мы можем что-то изменить? Ты пойдешь против воли своего отца? – она не смотрела на него, и со стороны все выглядело так, как будто она говорит больше себе, ведет диалог со своим внутренним «я».

– Я не пойду против отца. Он не нарушит данное твоему отцу слово, и мы придем к вам. Я не смогу по-другому, – все же решил ответить Алтынбек. – И я не хочу... идти против... теперь.

Последнее предложение он добавил очень тихо, потупив взор вниз к земле.

Девушка тоже опустила глаза вниз, и если бы не сгущавшиеся сумерки, то можно было заметить ее моментально раскрасневшееся лицо.

– Но я также не хочу, чтобы наш брак был против твоей воли. Я поэтому пришел. Скорее всего, мы придем к вам к концу недели. И если ты скажешь, что не желаешь выходить за меня замуж, я тебя поддержу. Никто не сможет тебя заставить, обещаю, – неожиданно он захотел взять ее за руку и еле сдержался.

Она кивнула ему в ответ. Затем он взял уже наполненные водой ведра и быстро пошел в сторону ее дома. Не понимая происходящего, она молча последовала за ним, еле поспевая за его широким шагом. Не доходя пару домов до ее дома, Алтынбек поставил ведра, снова напомнил об их договоренности и сказал, что ему нужно уходить. И лишь в конце, отходя от нее, он слегка улыбнулся, затем быстро развернулся и поспешил к главной дороге.

– Мариям... – остановила она его. – Меня зовут Мариям.

– Я знаю. Красивое имя, оно тебе к лицу, – на этот раз улыбка была более широкой, девушка улыбнулась в ответ.

Вернувшись домой, голодный, он поужинал, буквально за раз проглотив все, что так заботливо ему оставила мама на столе, бережно прикрыв марлей. Сон все никак не шел. Вздораженный мозг рисовал ему картинки минувшего дня. Образ Мариям все никак не уходил перед глазами. Он знал, что запомнит ее улыбку, освещенную неземными красками красивого заката, навсегда, даже если их пути разойдутся в разные стороны.

На утро как обычно, дождавшись пока мама подоит коров и отогнав их с телятами к чабану, он шел к отцу объявить свое решение, он шел навстречу своей судьбе. Отец сидел на топчане, ожидая его прихода, попивая прохладный, свежий и очень вкусный айран. Дильда, увидев сына, наполнила и ему чашу с айраном.

Не удержавшись, сперва глотнув божественный напиток, Алтынбек произнес:

– Я согласен, отец, но... только если девушка тоже не будет против. Мама, у нас есть подарки для сватовства?

Заманбек, не скрывающий своего довольства, дружески похлопал сына по плечу. Его решение он считал справедливым и в душе очень гордился своим сыном.

– У меня давно все готово, балам, – поцеловав сына в лоб, Дильда поднялась. Отложив все обычные утренние дела на потом, она пошла собирать традиционную корзину подарков.

Через два дня в доме собрались самые уважаемые родственники, в основном это были старики, закаленные жизненным опытом и обладавшие житейской мудростью. Мужчины сидели на топчане в ожидании, пока женщины закончат свои приготовления и проверку подарков. К обряду сватовства, тянувшемуся испокон времен, наверное, как и во всех народах, в этом ауле также относились основательно. Любая оплошность, любой недочет могли рассматриваться как проявление неуважения и нанести непоправимый вред только-только зарождающимся отношениям, вплоть до полного разрыва или даже кровной вражды.

Но стоит отметить, что последствия относительно недавно закончившейся страшной войны очень долгое время имели отголоски во всех домах столь необъятной страны. Голод и

разрушения, хотя до их аула война в прямом смысле не дошла, были свежи в памяти людей, и прожитые годы еще хранили все ужасы, испытанного ада. Поэтому собранные подарки были скромны и не столь великолепны, как в былую старину, но все же имели большое значение и ценность на тот текущий день.

Алтынбек сидел среди мужчин и был объектом всеобщего внимания. Каждый старец пытался влить в него свои нравоучения, давал советы, дядьки по моложе нет-нет, шутя, да и подтрунивали над ним, но в целом настроение у всех было хорошее. Он знал, что этой своеобразной пытке подвергаются абсолютно все новоявленные женихи, знал, что этой участи не избежать и его будущим детям, поэтому не проявляя лишних эмоций, изредка улыбаясь, он, набравшись огромного терпения, вежливо и уважительно сносил все, даже самые раздражающие и нелепые высказывания.

Его мысли целиком занимала девушка, сватать которую намеревалась вся эта делегация. Он размышлял над всеми возможными вариантами ее поступков и ответов. И лишь об одном из них он боялся думать. Скованный страхом получения отказа, он боялся представлять себе ее согласие, сопровождаемое еле заметной улыбкой. И чем ближе был час, когда должна была решиться его судьба, когда должен был произойти новый поворот в его жизни, тем его волнение усиливалось и нарастало с геометрической прогрессией. Его дядя, младший брат его отца, которого он любил не меньше своего отца, дабы унять мандраж племянника, заставил последнего выпить две чаши кумыса подряд. Кумыс помог.

В доме у Кобжасара все проходило словно в тумане, в бреду. Мужчины были приглашены на топчан к дастархану, заполненному всякими традиционными национальными вкусностями. Какие-то речи звучали слишком громко, некоторые наоборот тихо, временами за столом стоял смех, причины которого Алтынбек чудесным образом умудрялся пропускать мимо ушей. В конце концов, настал тот самый момент.

Женщины уединились в доме, где в одной из комнат сидела Мариям. Дильда, стараясь не обидеть мачеху девушки, почтительно попросила позволения поговорить с ее падчерицей. Жена Кобжасара по началу попыталась убедить будущую сватью в отсутствии необходимости в разговоре. Она пыталась донести до Дильды, что девушка воспитана в самых лучших традициях, что она согласна и готова к любому их родительскому решению. Но в конце концов она не устояла под настойчивостью Дильды и провела ее в комнату к Мариям.

Дильда попросила оставить их наедине, никто не противился. Некоторое время спустя, которое для Алтынбека показалось вечностью, Дильда вышла из комнаты с улыбкой на устах. Всем стало понятно, что скоро будет долгожданный той, что дети Заманбека и Кобжасара женятся точно. Маленький мальчик, один из сыновей хозяина дома, выбежал к мужчинам на топчане и громко объявил, что девушка согласна. И снова, узрев в услышанном хороший повод, мужчины разлили кумыс и выпили за счастье молодых. В этот момент Алтынбек, все еще не веря услышанному, заметил мать, стоявшую в тени под деревом. Она незаметно подзывала его к себе, он тут же спустился и направился к ней.

– Мама, это все так? Она согласна? Вы разговаривали с ней? Она была грустной? – не давая матери произнести ни слова, сын закидал ее множеством вопросов.

– Подожди... остановись, Алтынбек. Все хорошо... Она лично мне дала согласие на замужество. Это правда. Не скажу, что она светилась от счастья, но и грустной тоже не была. В какой-то момент даже улыбнулась мне.

Юноша все равно не мог поверить услышанному, хотя его мать никогда ему не лгала и не давала никакого повода сомневаться в ее словах. Он не мог поверить своему наступающему счастью. Дильда продолжала:

– Она, правда, еще кое-что просила передать, но я не совсем поняла, к чему она так сказала. Она попросила договориться с тобой, что воду в доме будешь набирать и приносить

ты, что это будет только твоя прямая обязанность. Я за тебя согласилась, ведь это же ерунда, это совсем не трудно. Ты же не против?

Дильда посмотрела сыну в глаза. Вот теперь Алтынбек был по-настоящему счастлив и широко улыбался. Нежно обняв мать, он вернулся к мужчинам очень довольный, что даже позволил себе отпустить невинные шутки за столом.

***

Алтынбек, застыв в ступоре, стоял у запыленного окна районной больницы. Слова врача доходили до его ушей, но их смысл терялся где-то по пути. Все еще до конца не понимая случившегося, он отрешенно разглядывал пух, под воздействием небольшого ветра, плавно слетавшего с тополей. Как такое могло случиться? Почему именно с ними это должно было случиться? Что он скажет Мариям? Как будет смотреть ей в глаза?

– А Мариям уже знает? Как она? – внезапно перебил он врача в несвойственной ему манере.

– Да. Мы ей сообщили. Она сильная, сильнее, чем ты думаешь. Она ждет тебя, – виновато сказал врач.

– Вы сделали все, что смогли. Не переживайте, Аскар-ага. Ангелы не задерживаются надолго на земле. Все в руках Всевышнего, сами знаете, – поменявшись местами, теперь уже Алтынбек успокаивал врача. – Мы с Мариям хотели ее назвать Гаухар, если родится девочка... нельзя наперед ничего предугадать...

Пожав доктору руку, он пошел к жене. Мариям лежала в постели, ее бледное лицо излучало печаль и боль, которые жгли ее изнутри. Рождение всех старших дочерей удавалось относительно легко, так, что на следующий день она могла спокойно передвигаться и самой ухаживать за младенцами. Его покойная мать всегда утверждала, что Мариям рождена для материнства. Но сейчас, горе подкосило ее силы. Мариям была словно надломленное деревце, кровоточащая рана которого была слишком сильна. Увидев мужа, по щеке ее побежала слеза. Он присел на край ее кровати, какое-то время они провели в молчании.

– Жизнь продолжается. Нужно взять себя в руки и идти дальше. Мы нужны нашим другим детям, – Алтынбек говорил очень мягко, нежность в его голосе вызвала еще большие слезы у жены.

– Прости меня. Пожалуйста, прости меня... – сквозь слезы сокрушалась Мариям.

– Нет-нет, не надо. Ты ни в чем не виновата... – Алтынбек, спрятав глубоко внутри свою боль, понимая, что для нее эта утрата больнее намного, попытался успокоить жену. Он взял ее за руку и нежно поцеловал.

Мариям повернула голову в сторону окна, взгляд был отрешенным и полон грусти. Все также глядя на деревья за окном, она произнесла:

– Сегодня мне приснилась наша первая встреча... у колодца...

Мариям снова замолкла, ушла в себя. В своих мыслях она была где-то очень далеко. Порой ее брови сходились в переносице. Но это не было выражением недовольства. Человек обычно так непроизвольно морщится от какой-то внутренней боли.

– У нашего соседа Каната колодец высох за одну ночь. Представляешь? Встретил его, когда к тебе собирался. Но ты не переживай. Я вернулся и проверил. В нашем колодце вода есть, – Алтынбек решил хоть как-то отвлечь свою жену от горестных мыслей.

Но тут Мариям резко откинулась назад и закатила глаза.

– Врача! Позовите врача! Моей жене плохо... – испугавшись, он стал кричать, что есть мочи, призывая на помощь персонал больницы.

Первой прибежала медсестра. Следом появился врач. Алтынбек отошел в сторону, чтобы не мешать им делать свое дело. Другая медсестра мягко вывела его в коридор. Прибежали еще люди в белых халатах, среди них был и Аскар-ага, кто-то выбегал обратно, но потом с кем-

то возвращался. Складывалось впечатление, что сбежалась вся больница. Он не знает сколько прошло времени, он просто стоял в коридоре и смиренно ждал.

Вдруг резко оживление затихло, из палаты стали выходить люди, медленно, не спеша. Алтынбек подошел к дверям, и перед ним оказался тот самый врач, первым прибежавший на его крики, позади стоял Аскар-ага. Они мягко, но настойчиво отвели его к окну.

– У нее открылось кровотечение. Мне очень жаль. Прости, брат.

«Снова это запыленное окно, снова какие-то слова сожаления,» – почему-то крутилось в голове Алтынбека.

– Ей нужен покой? Сколько она проспит, доктор? А что ей можно кушать? Можно принести бульон? Ей ведь нужны силы для восстановления, – голос Алтынбека почему-то слышался ему издали.

– Алтынбек. Мы не смогли ей помочь. Всевышний забрал ее к себе. Мариям умерла... – говоривший врач, до этого глядевший куда-то в сторону поверх его плеча, на последнем слове взглянул ему прямо в глаза.

– Как умерла? Вы ошибаетесь. Она не может умереть. Всевышний уже забрал у меня только что родившуюся дочь. Он забрал у нас уже две дочери. Нам нужно о других детях заботиться. Я один не справлюсь. Мне нужна моя Мариям. Верните мне МОЮ Мариям!!!

– Крепись, брат. На все воля Всевышнего... – Аскар-ага хотел похлопать его по плечу, но рука, немного повисев в воздухе, опустилась обратно, и он медленно пошел по коридору.

Алтынбек зашел в опустевшую палату, лишь только медсестра стояла у окна и всхлипывала. Мариям лежала в постели, словно красивая спящая «пери». Такой прекрасной и умиротворенной он свою жену не видел никогда. Слезы сами побежали из глаз. Он склонился к ее ногам и зарыдал.

3 И после ночи наступит утро

Прошло три года со дня смерти Мариям и малышки Гаухар.

Первый год скорбели все, без исключения. Старец Заманбек за этот год сильно сдал. Он укорял и винил себя, что под властью своего безмерного эгоизма навлек беду на голову своего сына. Но так считал лишь он один. Дети и внуки, любившие безусловной любовью отца, деда, знали о его большом добром сердце. И никто не проводил и не думал проводить связь между гневными речами старика, так сильно желавшего успеть увидеть внука от старшего сына, и смертью его невестки. Даже соседи, подхватывавшие и мусолившие любые возникающие на горизонте сплетни, предпочитали менять тему, если кто-то вдруг начинал об этом говорить, тем самым давая понять, что, как бы глубоко они не уважали собеседника, все же они не разделяют его мнения. Но старику ничего не помогало, и никто не мог его переубедить в обратном, даже Алтынбек, ранее считавшийся единственным человеком, способным заставить упрямого старика прислушаться к правильным доводам.

Дома его двух сыновей находились совсем рядом, на соседних улицах. Оба дома старик построил своими руками, вложив в них всю свою душу. Дети и братья конечно не остались безучастными, особенно при строительстве дома для младшего сына, но все же обе стройки проходили под его постоянным контролем во всех деталях и мелочах. Со временем эти дома перестраивались и модернизировались сыновьями и их потомками, которые, стараясь не отставать от развития цивилизации, вносили в них еще больше удобства и комфорта. И теперь, уже в наши дни, эти дома не имели ничего общего с теми, когда-то построенными Заманбеком. Только земля, на которых они стояли, помнила всю историю становления этой семьи.

Считалось, что домом, в котором жил старик, является дом Алишера. Испокон веков по обычаю, рожденному древними предками, забота о престарелых родителях, как неоспоримое правило, ложилась на плечи младшего сына в семье. И обычай этот на протяжении многих веков соблюдался строго и неукоснительно. Но Заманбек фактически большую часть своего времени проводил у старшего сына, даже в дни, когда Мариям еще была жива. А после ее

смерти он и вовсе изъявил желание переехать туда насовсем. Алишера и Шадиар сначала поколебало это решение отца, но выслушав его доводы, они поверили, что их поступки никоим образом не причинили никакой обиды старику, что он вовсе не бежит от них, что его нутро хочет быть там, рядом, и они наконец смирились, невзирая на искаженные выводы публики вокруг.

Смерть Мариям подкосила не только старика. В течение года произошли разительные перемены с Алтынбеком, и, откровенно говоря, не в самую лучшую сторону. Более того, наоборот, он очень сильно похудел и почернел, он стал словно высохшее дерево, вот-вот готовое рухнуть от маленького дуновения ветерка, либо самопроизвольно воспламениться под палящими лучами солнца. Одним словом, Алтынбек страшно постарел. Сутками напролет он думал о покойной жене. Он не забросил работу, не забросил домашние дела, но все это он проделывал механически, порой даже не сумев вспомнить в какой момент он проделал ту или иную работу. Оставаться на плаву и жить дальше ему помогали в первую очередь его дети и дети Алишера. Ради них он жил, им посвятил свою оставшуюся жизнь. Только дочери и племянники придавали смысл его дальнейшему существованию.

Его дочери, словно лишившиеся источника света и погруженные во тьму, словно призраки тихо сновали по дому и также механически выполняли домашние дела. Малышка Сауле, которой едва стукнуло четыре годика, постоянно задавала вопросы о своей матери. Она не видела, как ее хоронили, и окружающие, сами еще не отошедшие от трагедии, не могли толком объяснить, почему мамы так долго нет. Ребенок не понимал, что мама больше не придет, и она никогда больше не сможет ее обнять. Долгое время девочка ждала, звала, но потом и она перестала.

Среди всех детей Алтынбека, наверное, больше всего досталось старшей дочери, Айсулу. Будучи подростком, когда в четырнадцать лет юный организм претерпевает большие перемены, когда внимание матери, ее совет, доброе слово нужны как никогда ранее, она не только лишилась всего этого, но, отодвинув свои личные переживания, мятежные вопросы на второй план, возложила на свои плечи бремя о заботе за младшими сестрами. Где-то на уровне подсознания Айсулу приняла на себя ношу ответственности, которую несла и по сей день. Лишь изредка, по ночам она давала себе ненадолго волю расслабляться, и тогда нестерпимая боль внутри выходила наружу, и горькие, жгучие слезы потоком лились из глаз. Но даже наедине с самой собой не было громких рыданий, не было никаких причитаний, лишь тихие безмолвные слезы, стекая по щекам, моментально растворялись в подушке. К утру все проходило, и новый день снова требовал присутствия у нее сильного духа и огромного терпения. Айсулу стала взрослой.

Как дети помогали Алтынбеку справиться с болью утраты, так и Шадиар практически всю себя отдала детям, оказывая им огромную поддержку. По нынешним меркам она сама была еще слишком молодой, но в свои двадцать пять лет она, не задумываясь, взяла на себя воспитание семерых детей и содержание обоих домов. Она жила сразу на два дома, по очереди проводя ночи и тут, и там. Хотя Алишер, ее муж, и старшие дети обоих домов ощутимо разгружали ее от домашних хлопот, все же к концу каждого дня, изнемогая от усталости, она проваливалась в сон, едва голова касалась подушки. Но, не смотря на усталость, сон ее был очень чутким, и малейшее изменение энергетики, малейшие звуки и шорохи моментально срывали ее с места, и она, не задумываясь, устремлялась навстречу новым проблемам, новым ситуациям, требующим решения.

Шадиар стала личным домашним психологом. Каждый, кто нуждался в утешении, получал его от нее сполна. Каждый, кто нуждался в совете, также не оставался без внимания. Шадиар олицетворяла собой священный храм с неиссякаемой доброй позитивной энергией, которую она питала от взаимной любви домочадцев. У старика Заманбека к восхищению и

почтению мудрости юной Шадиар в этот печальный год прибавилось также и глубокое уважение.

Горе сплотило этих людей, от мало до велико, они держались друг за друга, и уже не представляли жизни иной, в которой не было бы кого-нибудь из них. Каждый член этой большой семьи имел свое значимое для всех остальных место и соответственно свою ценность. И каждый член этой трагически неожиданно уменьшенной семьи старался по-своему оберегать оставшихся.

Ко дню проведения обряда «годовщины смерти» в обоих домах сложилась более-менее привычная спокойная жизнь. Минуты отчаяния и непереносимой боли, так часто вспыхивавшие особенно в первые месяцы, спустя двенадцать месяцев, практически свелись к нулю. Жизнь в семье, возглавляемой аксакалом Заманбеком, постепенно входила в привычное русло, и бытовая рутина поглотила практически всех домочадцев.

Второй год ничем примечательным не отличался. Разве что малышка Сауле пошла учиться в первый класс, и все дружно ухватились за это маленькое, но такое значимое радостное событие. Всей семьей ее готовили к школе. Старик Заманбек воспользовавшись своим общественным положением каким-то немислимым образом смог приобрести настоящий школьный кожаный портфель, который и по сей день занимал место в семейном шкафу для раритетных вещей.

Горящие завидным блеском глаза остальных детей в сторону невероятно дефицитной вещи заставили Алтынбека и Алишера пойти на хитрые уловки, такие как увеличение еженедельного лимита по конфетам, или обещание купить новую игрушку и тому подобные. В результате самая маленькая в семье среди девочек и избалованная Сауле, веселый лучик этой дружной семьи, согласилась иногда делиться своим портфелем со всеми сестрами и братьями. На что погодки Гульнар, вторая после Айсулу дочь Алтынбека, и Ануар, старший сын Алишера, тут же составили график пользования драгоценной вещицей, где львиная часть дней, конечно, принадлежало маленькой законной хозяйке.

Впервые за долгое время сердце аксакала потеплело, согрелось этой детской непосредственностью и любовью. Впервые за долгое время старик позволил себе улыбнуться. Впервые за долгое время он пустил внутрь себя свет и радость. И эти изменения не остались незамеченными никем, даже самой младшей дочерью Алтынбека. Внучка впервые после похорон матери залезла к деду на колени и поцеловала в щеку. И тогда уже на лицах всех членов семьи отразились широкие счастливые улыбки. В этот момент Алтынбек осознал, что, хотя скорбь внутри никуда не делась, хотя душевная рана от потери дорогой Мариям еще кровоточила, все же жизнь не стоит на месте, и все движется своим чередом. И после ночи обязательно наступит утро.

– Папа, а Вы пойдете со мной в школу? – младшая дочь, так сильно похожая на свою мать, сидя у деда на коленях, смотрела на отца умоляющим взглядом.

– Конечно, мой птенчик. Я обязательно поведу тебя в школу, – Алтынбек погладил дочурку по голове. – Вот только я не смогу ходить с тобой каждый день. Твои старшие сестры и братья будут помогать мне. Хорошо?

– А когда я смогу ходить в школу сама?

– Подрасти немного, радость моя, ты еще слишком маленькая.

Шадиар, не менее довольная всем происходящим, пригласила всех к ужину. И каждому члену семьи казалось, что сегодняшний ужин как-то особенно вкусен, что вечер пропитан особенным для всех важным смыслом. Алтынбек с Алишером позволяли себе отпускать шуточки в сторону отца и Шадиар, а те в свою очередь делали ответные не менее острые выпады. Хорошее приподнятое настроение чувствовалось у всех. И вдруг по окончании ужина, после получения традиционного «бата» от старика, все дети под руководством Айсулу, взявшись за руки и закрыв глаза, загадали свои самые заветные желания. Позднее Шадиар узнала, что их жела-

ния были практически схожими и касались семьи. Еще никогда доселе Шадиар не благодарила так Всевышнего за детей, которых он им послал.

Женская половина принялась прибирать за столом, а мужская взрослая часть решила покурить вкусный кальян на топчане, попивая не менее вкусный чай. Шадиар после завершения уборки после ужина и мытья посуды отпустила девочек заниматься своими делами, настояв на том, что будет сама разливать чай мужчинам.

На топчане царила непринужденная обстановка. Развалившись на мягких корпешках и подушках вокруг круглого стола, Заманбек с двумя сыновьями вел тихую беседу, время от времени покуривая кальян. Они обсуждали заготовки на зиму, покупку нового скота, а также говорили о каком-то случае, приключившимся с их дальним родственником. Ануар с Дидаром рядом со своим отцом играли в нарды. Алишеру время от времени приходилось отвлекаться от разговора с отцом и братом, то приструнивая слишком расшумевшихся ребят, то подсказывая тому или другому правильные ходы. Чуть подальше, в кругу подушек, сооруженном Сауле, сидел маленький Марлен, третий сын Алишера и играл в свои детские игрушки. Увидев свою мать, он широко улыбнулся и продолжил свою игру. Теперь он был абсолютно спокоен, мама рядом, больше ничего и не нужно.

Шадиар, удобно разместившись у стола, разлила чай мужчинам. Отдельно она отодвинула в сторону пиалы с чаем для детей, чтобы немного остудить, пока они играют. Рядом к ней подседа Сауле и тоже попросила чая. Ее пиалушка также встала рядом с первыми двумя для остывания.

– Сауле, кызым, подай деду вон ту котомку, пожалуйста, – Заманбек указал на сумку из войлока, висевшую на перилах топчана.

Девочка молча исполнила просьбу деда и также молча снова разместилась возле Шадиар. Старик какое-то время ковырял рукой в котомке. Потом протянул сверток из коричневой почтовой бумаги Шадиар:

– Это тебе, невестка. Я совсем забыл про него, – промолвил отец семейства в ответ на удивленный взгляд снохи. – Открой, посмотри. Я сам выбирал.

Шадиар развернула сверток, и громко ахнула, что в свою очередь образовало мгновенную тишину вокруг. Ее взору предстал отрезок красивой ткани. Мужчины слышали восторженный возглас, вырвавшийся и у Сауле. Молодая женщина под властью своего природного естества тут же поднялась на ноги и развернула ткань. Это был довольно большой кусок ткани. Ее глаза горели благодарным блеском. Старик остался очень доволен произведенным эффектом.

– Это же дорогой шелк, Папа! Где Вы его взяли? – со стороны казалось, что еще чуть-чуть и она начнет прыгать от радости.

– Это не важно, дочка. Ты вот что скажи. Из этого куска получится сшить тебе платье?

– Конечно получится! Еще и останется, – прошебетала Шадиар, широко улыбаясь. – Я как раз мечтала о платье как у Софи Лорен, ну в том фильме... помните?

Мужчины засмеялись в голос, а Шадиар, не обращая на них внимания, обернув вокруг себя ткань словно индийское сари, стала кружиться по двору. Не удержавшись, она крикнула:

– Спасибо, Папа! Вот так подарок! Девочки! Айсулу, Гульнар, Анар, посмотрите, что ата принес!

На громкие возгласы Шадиар из дома выбежали девочки. Увидев ткань, каждая из них издала такие же восторженные звуки, что и Шадиар с маленькой Сауле до этого. Айсулу, словно по хрупкому цветку, боясь ненароком нанести вред, очень аккуратно и нежно проводила пальчиками по ткани. Ощущение, испытываемое от гладкого шелка, приводило юную девушку в настоящий восторг. Наблюдая эту картину, Шадиар обернула край ткани вокруг талии Айсулу.

– Я сошью себе платье и тебе красивую юбку, – проговорила тетя племяннице.

– Правда? – восхищенный блеск в глазах дочери Алтынбека говорил сам за себя. Она обняла Шадиар и поцеловала в щеку.

Маленький Марлен, увидев эту сцену, не на шутку приревновал мать и стал издавать угрожающие звуки. Теперь уже смеялись все. Шадиар подошла к нему и подняла на руки. Но ребенку этого было мало, он, толком еще не выговаривая слова правильно, требовал отобрать ткань у Айсулу, чем еще больше всех развеселил. Айсулу также бережно и аккуратно свернула ткань в бумагу и подала Шадиар. Взяв за руки своих сестреночек, они пошли обратно в сторону дома, где занимались своими тайными девчачьими делами.

– А ты дашь потом поносить нам эту юбку? – почти шепотом выпрашивала Гульнар.

– И мне, и мне, – тут же подхватила Анар.

– Дам, дам, только успокойтесь, – также тихо, но важно отвечала им Айсулу, остро ощущая в этот момент свое старшинство и наслаждаясь этим ощущением.

Воодушевленный всем увиденным, и коря себя за мужскую слепоту, не замечавшему такие естественные вещи, Заманбек на следующий день добыл еще два куска ткани, не таких дорогих как подарок Шадиар, но все равно тоже не менее дефицитных. Не то чтобы в их родном ауле, даже в больших городах такие ткани можно было достать с превеликим трудом. Счастью женской половины их семьи не было предела очень долгое время.

Третий год после смерти Мариям был ознаменован большим радостным событием. У Алишера и Шадиар родились дочери – близнецы, которых назвали Асель и Асем. Алишер устроил настоящий той для родни, таким образом желая разделить свое счастье по рождению сразу двух дочерей. Старшие сыновья по началу ходили притихшими и подавленными, чувствуя, как любовь отца переходит к новорожденным девочкам. Но со временем, помогая матери в заботе о них, и наблюдая за сестренками, они сами уже не представляли себе жизни иной, в которой не было бы их.

Очень часто с близняшками играл Алтынбек. Как он любил детей, так и все дети всегда тянулись к нему и отвечали такой же большой любовью. Асель и Асем стали центром их небольшого мира, и этот мир делал все, чтобы девочки чувствовали себя счастливыми. Жизнь в обоих домах наладилась, теперь в них все чаще слышался смех, и дома эти со стороны казались полной чашей добра, любви и тепла.

Однажды семья собралась вместе на праздничный ужин. Шадиар с девочками накрыла красивый дастархан. Аппетитные запахи от разнообразных блюд вызвали у всех обильное слюноотделение. Но к столу никто не смел подходить, даже Алтынбек. Все ждали главу семейства.

Аксакал должен был вернуться из дальней поездки. Он уезжал на профилактическое оздоровление в лечебных курортах Грузии, любезно предоставленное государством как ветерану войны. Ирония судьбы заключалась в том, что их аул располагался возле санатория, построенного на месте образования не менее лечебных источников. Но тем не менее, никто от предложенной возможности отказываться не собирался, и дед уехал, заодно решив провести своих друзей-однополчан, проживавших в Тбилиси и Батуми.

Они должны были вернуться из соседнего села, на котором располагалась железнодорожная станция. Время пути туда и обратно занимало чуть больше полутора часов на легковой машине того времени. Как обычно, рассчитав все до мелочей, за отцом поехал Алишер, прихватив с собой среднего сына. Также идеально рассчитав свое время, Шадиар с племянницами были полностью готовы к возвращению старика, заканчивая последние детали по украшению дома. Все члены семьи принарядились в праздничную одежду, и оставалось только выстроиться во дворе дома и с улыбкой встречать долгожданных путников.

Ануар, расстроенный тем, что очередь сопровождать отца на машине выпала Дидару и совпала с днем встречи деда с вокзала, сидел на лавочке у ворот, высматривая каждую машину на горизонте. Наконец появилась машина отца, и он закричал что есть мочи, тем самым напугав

мирно спавших близняшек и вызвав их громкий плачь, а затем как следствие от своей глупости получив подзатыльник от Гульнар, еле их усыпившей. Айсулу и Анар бросились поддержать сестру в расправе над двоюродным братом. Тот, понимая высшую степень возникшей над ним угрозы здоровью, а может быть даже и жизни, попытался спрятаться за их отцом.

В итоге перед стариком Заманбеком, Алишером и Дидаром предстала картина, где посреди двора стояли детские коляски, возле которых Алтынбек и Шадиар пытались успокоить орущих близняшек, а вокруг них бегали Гульнар, Айсулу и Анар, что-то выкрикивая в адрес неуловимого Ануара, которого они никак не могли поймать. Сауле с Марленом стояли на лестнице топчана и громко смеялись на весь двор. Их смех подхватил и Дидар.

Милее картины для Заманбека не было. Он был дома. Он был счастлив и умиротворен.

За ужином дед рассказывал всякие интересные истории, приключившиеся с ним на отдыхе. Особенно, разинув рты, внуки и внучки внимательно слушали его рассказы о передвижении на поезде и полете на самолете. У деда был дар излагать истории очень красочно и интересно. Знавшим о самолетах и вертолетах только по картинкам в книжках и видевшим их лишь по телевизору, полет на самолете всеми внуками ассоциировался с полетом бабушки на космической ракете на Марс. Это было что-то волшебное, из ряда вон выходящее.

Все дети без исключения, да что там дети, даже взрослые любили повествования старика. Воображение один за другим рождало картинки в их головах, смачно приправленные дедовскими ощущениями. Если он испытывал восторг, у всех тут же загорались глаза, если же он испытывал страх, то и всех моментально корбила эта история.

Ужин удался на славу, праздник получился таким, каким все его готовили и ждали. Закончив трапезничать, наевшись до отвала, мужчины как обычно прошли к топчану покурить кальян и попить зеленого чая. Девочки быстро прибрались после ужина, Гульнар осталась мыть посуду, а остальные пошли готовить постели ко сну. Эту ночь Алишер с женой и детьми решил провести в доме брата. Поэтому все ходили расслабленные. Никто никуда не спешил. Шадиар покормила близняшек и передала сыновьям, чтобы те немного по развлекали сестренку, а потом уложили спать. Как только вода закипела, Шадиар по обыкновению принялась разливать чай.

– На обратном пути в поезде мне повстречался Кадырбай. Вы его не знаете, он – мой боевой товарищ, мы с ним воевали несколько месяцев бок о бок, – после недолгого молчания Заманбек начал свой рассказ. Сыновья и невестка стали внимательно слушать.

«В нашем полку было много солдат разных национальностей, но никто никого никогда не делил. Да, шутили, да, разыгрывали, но без злости, мы все таким образом просто старались приукрасить наши боевые будни. Все мы были братьями друг другу, – повествование старику давалось с трудом. – Но вдвоем с Кадырбаем мы были ближе всего, мы были не только из одной периферии, не просто из одного народа, из одного жуза, а близкими земляками и почти соседями. Он всю свою жизнь прожил и живет по сей день в том селе, откуда со станции меня сегодня забрал Алишер».

– Это не тот аксакал, без руки, с которым ты прощался на перроне? – вдруг прервал отца Алишер.

– Он самый... – лицо старика помрачнело. – Но какой он аксакал? Мальчишка совсем... он младше меня на пятнадцать лет... Как раз про случай с его рукой я и хотел рассказать.

Дед, восстанавливая в голове предстоящую к рассказу историю до мельчайших подробностей, не спеша поглаживал свою бороду, затем продолжил:

«Как я уже сказал, мы, будучи сыновьями одной земли, всегда держались друг за друга. Во время боевых действий мы старались не упускать друг друга из виду... Уже не помню сколько дней, но мне тогда это казалось целой вечностью, мы находились на линии фронта и сутками напролет, не переставая, мы вели ожесточенные бои с фашистами. Я не буду передавать вам тот ад, который испытал каждый солдат. Скажу лишь одно. Никто не остался преж-

ним после той битвы. Каждый, кто выжил тогда, стал другим, стал совсем иначе смотреть на мир. И вот в один из таких дней пришел приказ перейти в наступление. Мы не военные люди, мы были простыми солдатами, исполнявшими приказ. Но даже нам было понятно, что вероятность вернуться живым и невредимым из предстоящего боя была сведена почти к нулю».

Старик говорил не спеша, заново переживая те страшные моменты своей жизни, и его голос порой переходил на шепот, сопровождаемый глубокими вздохами от нахлынувших воспоминаний. Его молчаливым слушателям временами приходилось напрягать свой слух, чтобы не пропустить ничего важного. На несколько минут он замолчал, воспоминания минувших дней накрыли его с головой. Медленно покуривая кальян, он лежал на боку с закрытыми глазами. Его дети в терпеливом ожидании также сидели молча. И тут по его щеке побежала слеза, одна единственная. Но сколько всего было в этой слезе, чтобы понять всю испытываемую боль, не нужно было никаких слов, достаточно было увидеть эту слезу старика.

Никто никогда не видел его слез, даже когда хоронили его жену, дорогую Дильду, мать его сыновей, он не пролил ни одной слезы. Горевал, скорбел, но не плакал. Невольно из глаз Шадияр также полились слезы. Неудержимые, крупными ручьями текли они по щекам. Но она боялась шелохнуться, боялась малейшим движением потревожить столь почтенную и столь смиренную задумчивость свекра. Усыпив наконец сестер, Ануар и Дидар незаметно тихонечко присели возле своего отца. Не понимая причин, которые могли так расстроить дедушку и мать, они недоуменно во все глаза смотрели на родителей, но нарушить тишину не посмели.

«Но приказ есть приказ, – продолжил свой рассказ старик. – На рассвете мы выступили вперед. Это было самое страшное и жестокое сражение. Всюду слышался вой картечи, вокруг громыхали снаряды, взрывались гранаты, земля ходила ходуном под ногами, реки крови текли везде. Мы бежали со всех сил, уничтожая врага на пути, а он уничтожал наших братьев. Дым от пороха, комья земли резали глаза, лишая возможности проглядеть дальше тридцати метров. Царил неопиcуемый хаос, тела людей от непрекращающихся взрывов и пуль превращались в настоящее месиво, многими овладевала паника. Мы с Кадырбаем старались держать друг друга в поле зрения. Но временами мы терялись, потом случайно находились, и так снова и снова. Мне пришлось вступить в рукопашный бой с одним фашистом. Это был молодой здоровый боец, где-то на голову выше меня. Какое-то время я держался на ногах, но потом мои силы стали сдавать. Противник меня одолевал. Он повалил меня на землю и занес надо мной штык, целясь в самое сердце. Но прежде чем, он успел пронзить меня, прозвучал выстрел. Неприятель замертво упал рядом со мной с разmozженной головой. И я увидел Кадырбая с винтовкой в руках и улыбкой на лице. В этот момент сбоку мимо пролетела граната и взорвалась недалеко от него, его отбросило в сторону и накрыло землей. В ужасе и полном отчаянии я побежал к своему брату, но по пути меня настигла пуля и попала в спину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.